

Феномен идентичности и проблема Другого в постколониальных исследованиях

И.Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Сидоренко И.Н. Феномен идентичности и проблема Другого в постколониальных исследованиях // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 39–44. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.7>

Аннотация. В статье анализируется проблема взаимоотношения с Другим, порожденная кризисом идентичности. В качестве методологической базы исследования выступают концепции деколонизации и постколониализма. Делается вывод о том, что политика идентичности подпитывается скрытой или подавляемой групповой идентичностью, стремящейся к публичному признанию. Это опасно эскалацией насилия, так как политика идентичности использует культурный миф и постколониальную травму. В статье утверждается, что преодоление постколониального комплекса возможно за счет придания национальной идентичности статуса доминирующей при сохранении суверенности и горизонтальности во взаимоотношения с бывшей метрополией.

Ключевые слова: идентичность; политика идентичности; Другой; постколониальные исследования; постколониальная травма; зависть; насилие.

The phenomenon of identity and the problem of the Other in postcolonial studies

I.N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Sidorenko I.N. The phenomenon of identity and the problem of the Other in postcolonial studies. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):39–44. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.7>

Abstract. The author of this article analyzes the problem of relationship with the Other, generated by the crisis of identity. The theories of decolonialism and postcolonialism are served as the methodological basis of this study. It is concluded that identity politics is fueled by hidden or repressed group identities seeking public recognition. This is dangerous in escalating violence as identity politics capitalizes on cultural myth and postcolonial trauma. The author of this article argues that overcoming the postcolonial complex is possible by making national identity the dominant identity while maintaining sovereignty and horizontality in the relationship with the former metropolis.

Keywords: identity; identity politics; Other; postcolonial studies; postcolonial trauma; envy; violence.

Распад мировой колониальной системы не развеял культурный миф как стереотипное взаимодействие культурных дискурсов центра и периферии. Значимость и право на самостоятельность и идентичность некогда подчиненного до сих пор ставится под вопрос, что позволяет говорить о феномене постколониализма. Сквозь оптику постколониальных исследований большая часть населения Земли может быть описана через категорию «Угнетенный». Экономические, политические и культурные связи (пост)колоний и (пост)метрополий фактически не изменились после крушения колониальной и империалистической систем, что связано с сохранением за идентичностью угнетателя статуса доминирующей. Процесс формирования национального самосознания не завершился в бывших колониях до сих пор.

Термин «идентичность» в 1950-х гг. популяризовал психолог Э. Эриксон, а начиная с 1980-х гг. понятие «политика идентичности» начинает входить в научный оборот в связи с тем, что в постмодерном обществе происходит распадение прежних прочных форм социальной идентичности — класса и нации — и осуществляется переход к более гибким формам. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Вместе с тем «политика идентичности» допускает диктат идентичности. Как справедливо отмечает британский исследователь Мэри Калдор (Mary Kaldor), в «политике идентичности» «речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков, и она напрямую связана с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом» [1, р. 40]. Ностальгия и память о прошлом становятся новым источником политической легитимности, однако в отличие от политических идей, выступающих основанием для объединения, «политика идентичности», напротив, работает по принципу исключения и, тем самым, способствует фрагментаризации социального пространства [2, с. 144]. Справедливо отмечает Ф. Фукуяма, что «...сегодня чувство идентичности быстро превращается в политику идентичности, в рамках которой люди требуют общественного признания своей ценности. Таким образом, существенная часть политических конфликтов современного мира... можно свести к проявлениям политики идентичности» [3, с. 34]. В постколониальном мире борьба за признание продолжается.

Наличие двух идентичностей — преобладающей идентичности колонизатора и национальной идентичности субъекта — порождает проблему «расщепленности» сознания постколониального субъекта. Угнетенный не осознает в полной мере своей инаковости, а отличия от культуры метрополии вызывают чувство неполноценности, приводящее к формированию постколониального комплекса. Осознание инаковости и преодоление доминирования идентичности бывшего колонизатора являются факторами освобождения от постколониального комплекса, обуславливающего зависимость бывших периферий от своих метрополий. Поиск средств преодоления наследия колониализма и империализма, децентрации современности и трансформации межкультурных отношений осуществляется в рамках постколониальных исследований.

В полицентричном мире ни одна культура не может мыслиться как «чистая» и единственно «правильная» [4]. Приведем слова американского исследователя постколониализма индийского происхождения Х. Баба (*Homi K. Bhabha*):

«Современность нельзя более представлять как разрыв или соединение прошлого и будущего, равно как и одновременное со-присутствие: наше самопонимание, наш публичный образ раскрываются лишь посредством полагания себя в контексте разрывов, неравенств и меньшинств» [5, с. 165]. Культуры современности — это гибридные культуры, раскрывающие самость в пространстве пограничья, т. е. в переходном состоянии от «Я» к «Другому».

Постколониальные исследования предлагают категориальный инструментарий для описания современных культур в пространствах пограничья и представляют собой комплекс междисциплинарных исследований наследия колониализма и империализма, который выдвигает идею о взаимозависимости знания и власти и критикует властные отношения, связанные с распределением власти между центром и периферией, метрополией и колонией, доминирующим и угнетенным. Толчком к разработке постколониальной теории стала публикация книги Э. Саида «Ориентализм» [6], в которой рассматривался феномен доминирования Запада над Востоком. С процессом подчинения коррелирует процесс придумывания культурного мифа о Востоке и Западе.

Политика идентичности подпитывается скрытой или подавляемой групповой идентичностью, стремящейся к публичному признанию. Однако это признание узурпируется метрополией, вынуждая субъекта бывшей колонии «подлаживаться» под сконструированный образ, тем самым лишая его не только авторства в идентификационном проекте, но и закрывая для него возможность получить признание, перестать быть незаметным, что чревато эскалацией конфликта. В качестве примера приведем ситуацию, когда демонстрации в арабских странах против карикатур на пророка Мухаммеда, опубликованных в датской газете «Jyllands-Posten» осенью 2005 г., чуть не переросли в столкновение цивилизаций. Правомерно отметить, что участники протестных акций реагировали не столько на карикатуру, сколько на стоящий за нею образ Запада, сконструированный определенным идеологическим воззрением. Созданная СМИ картина западной реальности искажена не меньше, чем западное видение Востока [2, с. 33].

Чувство превосходства и вера в наличие священной миссии приобщения Другого к правильной культуре — основополагающие позиции европейского самосознания. Целесообразно подчеркнуть, что для просвещенной Европы возможность действовать с позиции свободной воли и использовать ее как «самозаконодательство» с необходимостью требует самоопределиваться, т. е. отграничить себя от других, что, в процессе колонизации мира, порождает вопрос о способностях других к такому же «самозаконодательству». В итоге это приводит к применению «легитимной силы» по отношению к другим, которая на практике имеет тенденцию превращаться в насилие. Следовательно, свободная воля в процессе осуществления политического действия «невозможна без разграничений с “иным” и уже поэтому предполагает ту или иную форму и степень насилия» [7, с. 47]. Поэтому, как писал Ф. Фанон: «Колониализм — это вовсе не машина, обладающая искусственным интеллектом, не тело, наделенное мыслительными способностями. Колониализм есть просто воплощение насилия, и он уступает, только сталкиваясь с еще большим насилием» [8].

Деколонизация и революции XX в. связаны с насилием. Если раньше агрессором был только захватчик, то сейчас им становится угнетенный.

Насилие угнетенного оправдано столетиями порабощения диктатом другой страны. Однако, из-за осознания оправданности своих насильственных действий, колонизированный не чувствует вину, которую ему приписывает доминирующая культура колонизатора. Признание своей невинности вопреки европейской морали усиливает разрыв между преобладающей идентичностью угнетенного и его реальным «Я». Отметим заочную полемику М. Ганди и Ф. Фанона. С точки зрения М. Ганди, получается, что ненасилие не может быть отождествлено с непотворением, напротив, такое ненасилие — это «война», в которой насилие эквивалентно морали. Так, например, организованный М. Ганди бойкот английским товарам как метод прямого экономического давления неминуемо должен был вызвать «некоторые потрясения», сопровождающиеся невинными жертвами [9, с. 468]. С другой стороны, Ф. Фанон, настаивая на радикальных мерах по разрушению структуры колониального мира, отмечал, что против замкнутого мира, «пронизанного различного рода запрещенными надписями», можно выступить, только прибегнув к абсолютному насилию, которое в итоге обернется настоящим сотворением нового человека [8]. Таким образом, ненасилие М. Ганди и абсолютное насилие Ф. Фанона представляют собой равнодействующие силы, бьющие в «сердцевину» колониального мира.

Формальное освобождение стран Африки, Азии, Среднего Востока и Латинской Америки не означает их избавление от зависимости от Запада. Не только потому, что «угнетенный все еще не может говорить» [8]. Страны Востока, хранящие культуру метрополии, оказываются в ситуации «самоколонизации», поскольку их преобладающая идентичность связана с идентичностью колонизатора. Борьба за независимость не тождественна «деколонизации», которая в реальности свелась к замене верховной власти при сохранении прежних социально-политических и экономических институций, что привело к закреплению неравных отношений, увеличив конфликтность и усилив миграцию. Причинно-следственная связь деколонизации и интенсивность миграционных волн, их неконтролируемость вскрывает опасность «толерантного» разума современного человека: заявления об открытости Европы уживаются с фактической неспособностью реализовать эту открытость. Толерантность трансформируется в пассивную позицию дистанцирования от Другого, лишение его инаковости.

В постколониальном мире взаимоотношения «Я» и «Другой» отягощены *ressentiment*. Ф. Фанон сквозь психоаналитическую оптику раскрывает травмированное (пост)колониальное сознание. Европейец заставлял угнетенного испытывать вину за преступление против порядка, устроенного Богом, и пренебрежение моралью колонизатора. Однако вина не свойственна не только колонизатору, который видит в угнетении священную миссию, но и представителю периферии, который ощущает несправедливость порабощения. Доминирующим чувством угнетенного оказывается зависть, потому что идентичность колонизатора для него ближе, чем своя истинная идентичность.

Зависть и чувство неполноценности, как следствие, способствуют «расщеплению» сознания угнетенного. Метрополия — это монолингвистичная, монокультурная субъектность, постколония — это би- или трилингвистичная, мультикультурная субъектность, только недавно получившая право быть

субъектом и имеющая дистанцию между преобладающей идентичностью и реальным «я». Именно разрыв между истинной идентичностью и преобладающей идентичностью колонизатора рождает чувство собственной неполноценности и зависти. Угнетенный пребывает в пространстве «между», в пограничье размытых культурных различий и наслоения идентичностей, где не работает бинарная логика «Я/Другой». Как минимум две идентичности угнетенного, воспринимаемые как конфликтные, образуют культурные разрывы, приводящие к постколониальной травме и «расщепленности» сознания представителя бывшей колонии.

Таким образом, разрешение проблемы двух идентичностей видится возможным только с отказом от навязанной идентичности в пользу истинной. Целесообразно подчеркнуть, что истинная идентичность — национальная — все равно мыслится гибридной, а не «чистой». Исходя из факта преодоления колониальной и империалистической зависимостей на базе национального самосознания, стратегией обретения самости для постколониальных обществ становится национализм, подчас в радикальной форме. Усиление националистических настроений — один из специфических «маркеров» глобализирующегося постколониального мира, его обратная сторона. Говоря о социальных последствиях повышения значимости национальной идентичности, в первую очередь обращают внимание на негативные явления, а именно — на многочисленные межнациональные конфликты, развернувшиеся сегодня во многих странах мира вне зависимости от их социально-экономического положения. Однако недостаток национальных чувств вредит ничуть не меньше, чем их избыток. Феномен этнического возрождения имеет глубокие психологические основы. Преодоление постколониального комплекса полностью невозможно за счет придания национальной идентичности статуса доминирующей, т.к. высок риск радикализации и эскалации насилия. Необходимо осуществлять переход к национальному сообществу при сохранении суверенности и горизонтальности во взаимоотношениях с бывшей метрополией. Мир национальных сообществ должен быть полицентричным миром, в котором сообщества стремятся к сохранению суверенности, но не к экспансии, к горизонтальности в политике вместо династической горизонтали власти.

Список литературы

1. Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era*. Cambridge; Polity, 2012.
2. Сидоренко И.Н. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ, 2017. 175 с.
3. Фукуяма Ф. *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. Москва: Альпина Паблицер, 2019. 256 с.
4. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле, 2016. 416 с.
5. Бхабха Х. *Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья*. 2005. № 3–4. С. 161–191.
6. Саид Э. *Ориентализм*. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. 637 с.
7. Капустин Б.Г. *Критика политической философии: избранные эссе*. Москва: Территория будущего, 2010. 424 с.
8. Фанон Ф. *О насилии // Цветков А. Антология современного анархизма и левого радикализма*. Т. 2. Москва: Ультра, Культура, 2003. С. 4–20.
9. Ганди М.К. *Революция без насилия*. Москва: Алгоритм, 2012. 480 с.

References

1. Kaldor M. *New and Old Wars: organized violence in a global era*. Cambridge: Polity; 2012.
2. Sidorenko IN. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu*. Minsk: BGU, 2017. (In Russ.)
3. Fukuyama F. *Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatija; pers angl*. Moscow: Al'pina Publisher; 2019. (In Russ.)
4. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. (In Russ.)
5. Bkhabkha Kh. *Mestonakhozhdenie kul'tury. Perekrestki: Zhurnal issledovani vostochnoevropeiskogo pogranich'ya*. 2005;(3–4):161–191. (In Russ.)
6. Said E. *Orientalizm*. Saint Petersburg: Russkii Mir; 2006. (In Russ.)
7. Kapustin BG. *Kritika politicheskoi filosofii: izbrannye esse*. Moscow: Territoriya budushchego; 2010. (In Russ.)
8. Fanon F. *O nasilii*. In: Tsvetkov A. *Antologiya sovremennogo anarkhizma i levogo radikalizma*. Vol. 2. Moscow: Ul'tra, Kul'tura; 2003. P. 4–20. (In Russ.)
9. Gandi MK. *Revoljutsiya bez nasiliya*. Moscow: Algoritm; 2012. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина Николаевна Сидоренко — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь; eLibrary SPIN: 2893-4427. **E-mail:** Iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Irina N. Sidorenko — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University, Minsk, Belarus; eLibrary SPIN: 2893-4427. **E-mail:** Iri_na2000@rambler.ru